

СЕРГЕЙ ПЕТРОСЯН

Путешествие дилетанта

ностальгический детектив

Издательские решения

Сергей Петросян

Путешествие дилетанта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7883067

Аннотация

Произведение может быть отнесено к «ностальгическому детективу» или триллеру. Главный герой – выпускник ленинградского Университета 80-х. Он пытается урвать свой «кусочек хлеба с маслом», умело лавируя в рамках существующих идеологических ограничений. Правил много, и, если хочешь жить лучше, чем другие, надо понять, какие из них надо соблюдать. С одной стороны – перспективная и денежная работа, с другой – захватывающая жизнь ленинградского андеграунда 80-х, связь с иностранкой, валюта, подпольные рок-концерты. Путем интриг ему удастся получить разрешение на выезд, и он оказывается в Латинской Америке...

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сергей Петросян

Путешествие дилетанта

Ностальгический детектив

Часть первая

Синий альбом

Темный камуфляж странно смотрелся на фоне ярко-желтого суглинка.

– Это не маскировка, это – демонстрация присутствия. Чтобы пассажиры не беспокоились, – подумал Пьер, – мол, все у нас под контролем...

ТУ-154 нутужно ревел, снижаясь, а темно-зеленые солдатики на земле лениво вращали турели с зенитными пулеметами. Вчерашний студент лихорадочно перебирал в памяти сведения о ЗУРСах и ПЗРК, полученные на военной кафедре. Потенциальному стрелку спрятаться было негде – значит, не собыют...

Шел понедельник 21 января 1985 года.

– Ни фиги себе, неделька начинается! – Пьер вспомнил анекдот про мужика на эшафоте. Четыре месяца работы грузчиком в овощном на улице Дзержинского вдруг показа-

лись чем-то милым и патриархальным, как рождественская сказка.

– Мама родная, куда меня занесло... – подумалось вдруг.

* * *

Диплом об окончании филфака Университета имени А. А. Жданова был получен в июне. Не просто диплом, а «свободный диплом» – в 1984–м это означало отсутствие обязательного распределения на работу в школу (уф-ф-ф!). А применительно к лицу мужского пола, получившего специальность «военный переводчик», – еще и возможную службу в «стране изучаемого языка». Миролюбивые щупальца советской родины дотягивались в те времена до самых горячих точек планеты: Анголы, Мозамбика, Афганистана, Никарагуа... Молодые ребята с относительным знанием иностранных языков, но, что самое главное, прекрасными анкетными данными (а ты поступи на филфак с другими...) были просто нарасхват. Каждый год улетали выпускники в неведомые края за новыми впечатлениями, тропическими болезнями и «длинным долларом». Так называемые «гробовые» тогда платили без задержки – где твердой валютой, а где по-простому – чеками Внешпосылторга, которые можно было по возвращении домой отоварить «под деревом, на котором все растет» – в спецмагазинах «Березка». Вернувшихся из-за дальних морей «нуворишек» называли заимствованным из «Поднятой целины» термином «двадцатипятитысячники», т. к. за год в горячей точке можно было зако-

лотить неслыханные по тем временам деньги – 25 000 рублей. И это при средней зарплате на Родине в 170 (до налогов).

Ближайшее будущее Пьера представлялось восхитительным и романтическим. Родители знакомых девушек начали смотреть на него особым «родственным» взглядом, да и сами дочки вдруг стали как-то оперативно реагировать на приглашения в кино или в гости. Каждый вечер раздавались звонки от когда-то несостоявшихся дам сердца:

– Ты куда пропал?

Закончился бесконечный студенческий праздник души, начиналась взрослая жизнь – те, кто не успел, старались вскочить в уходящий поезд...

Оформлением своих питомцев в горячие хлебные точки Университет занимался сам. Здесь заполнялись бесчисленные анкеты, здесь же проходили ритуальные «собеседования» – группы очень серьезных мужчин и женщин, сидящих за длинным столом, задавали кандидату в «двадцатипятилетия» каверзные вопросы, а между строк читалось единственное: «Не сбежит?»

И если первое собеседование на филфаке напоминало картину Репина «Пушкин на лицейском экзамене» (можно было даже заподозрить кого-нибудь из членов комиссии в сходстве с добрым старичком Державиным), то по мере продвижения к «главному фильтру» – собеседованию в здании Двенадцати коллегий, краски сгущались. Здесь ат-

мосфера больше напоминала картину Орешникова «Ленин В. И. на экзамене в Петербургском университете» – хотелось опереться рукой на стул и горделиво закинуть голову с юношеской бородкой.

Первую заполненную Пьером анкету-автобиографию вернули через неделю:

– Вы что нам за отписку принесли? Где общественные нагрузки? В школу только учиться ходили?

Пришлось напрячь память.

«Все равно не проверят... – подумал Пьер и написал. – *Во втором классе был командиром октябрятской звездочки...*» Подумав, добавил: «... и озеленителем класса».

Злая тетка на факультетском собеседовании ухмыльнулась:

– Хорошо, что не осеменителем...

Наконец все анкеты были сданы, фильтры пройдены, назвали даже место будущей службы – «братская Никарагуа». Можно было расслабиться и спокойно ждать вызова в Москву.

В те времена все выезды в командировку за рубеж начинались в столице. Там вручали синий служебный загранпаспорт в обмен на внутренний краснокожий, там же сдавали на хранение партийный или комсомольский билет, от туда и отбывали в дальние края. Единой компьютерной базы данных еще не существовало, и держать границу на замке было куда проще, лишь иногда приоткрывая маленькую

калитку в Шереметьево. Вот и летали жители Владивостока в Японию через Москву (с пересадкой во Владивостоке), а ленинградцы, чтобы попасть в Хельсинки, вечером садились в фирменный поезд «Лев Толстой» на Ленинградском вокзале и, миновав утром родной Питер, катили дальше – в столь близкую и столь же труднодоступную Суоми.

Время шло – потихоньку разъезжались в жаркие страны однокурсники, вытащившие такой же счастливый билет, отгремели «отвальные», закончилось лето. Про Пьера как будто забыли – вызова все не было и не было. Почуввав неладное, стали реже звонить однокурсницы, а их родители уже без родственной теплоты строго спрашивали:

– Чем заниматься собираетесь, молодой человек?

Что-то было не так. Переводчики были нужны, каждый вечер в программе «Время» комментаторы в модных рубашках хаки с коротким рукавом на фоне танков Т-55 рассказывали как «народная сандинистская революция мужественно борется за светлое будущее благодаря братской поддержке СССР». Но телефон молчал...

Свободного времени становилось все больше. Студенческое братство потихоньку распадалось – одни уже проходили службу в Луанде или Мапуту, у других начался новый учебный год, только теперь в новом качестве – преподавателей, а Пьер по-прежнему не мог понять, какую часть общества он представляет. Просыпался как можно позже, чтобы день казался короче – все равно ничего не происходило. Когда

позволяла переменчивая ленинградская погода, отправлялся бродить по набережным, и постоянно думал: «Где же я прокололся?»

Свои скелеты в шкафу были у каждого. Например, еврейские бабушки к последнему курсу выявились у подавляющего большинства одноклассников, несмотря на безупречные, как у коккер-спаниелей, родословные. Это пока никому не мешало – университетские особы копали не глубже папы-мамы. Многие члены политбюро тоже, по слухам, были «с прожидью». Ходили по рукам запрещенные книжки, отпечатанные на плохой бумаге – Солженицын, Буковский, Шаламов. В белые ночи Пьер любил прогуливаться с приятелем Жорой, пересказывая ему «Остров сокровищ» (так на книжном рынке именовали для конспирации «Архипелаг ГУЛАГ»). Но это было на втором-третьем курсе, да и не верилось как-то в Жорино предательство. Нет, тут что-то свежее – иначе и до собеседований дело не дошло бы.

Была и еще одна причина, о которой Пьеру думать не хотелось. На летней практике в Ростове он познакомился с Мели – студенткой из Югославии. Мимолетное увлечение как-то незаметно переросло в серьезный роман. Она приезжала несколько раз в Ленинград и в Москву – то на студенческую конференцию, то переводчицей с туристической группой. И Пьер, и Мели хорошо понимали, что афишировать свои отношения категорически нельзя – связь с иностранкой для советского студента не просто закрывала дорогу в буду-

щее, а ставила под вопрос даже само пребывание в Университете. Тем более с югославкой.

Отношения СССР и СФРЮ были очень непростыми – черная кошка, пробежавшая когда-то между Сталиным и Тито, была жива и постоянно бегала туда-обратно. У советского политбюро печеночные колики вызывал югославский социализм, при котором граждане вроде бы социалистической страны свободно выезжали в соседние страны, не проходя «собеседований» (и возвращаясь обратно!), ездили на заработки в Германию, пили Кока-Колу и носили джинсы, купленные не у фарцовщиков в подземном переходе, а в центральном белградском или загребском универмаге. Пьер был категорически осторожен – об этой связи знали только сестра и бабушка. Письма из Югославии шли на адрес бабушкиной знакомой из коммуналки, а звонить он ходил на переговорный пункт, где каждый раз представлялся новой фамилией и внимательно слушал, чтобы не перепутать, когда по трансляции вызовут:

– Семенов (Петров, Иванов...), Загреб – четвертая кабинета!

Такая «игра в шпионов» даже чем-то ему нравилась. Они с Мели трезво смотрели на вещи и договорились о том, что:

1. Университет окончить надо
2. Упускать возможность заработать валюту в горячей точке нельзя
3. Время – хорошая проверка их отношений.

На проверку они положили себе пару лет – после этого

можно было попробовать оформить отношения. «Оформить отношения» с иностранкой в то время можно было лишь одним способом – надо было вместе подать заявление в маленький кабинет под лестницей во Дворце бракосочетаний на улице Петра Лаврова, а потом явиться туда же через три месяца. При этом желающей выйти замуж за совгражданина надо было либо иметь легальные основания для пребывания в СССР в течение трех месяцев, либо уехать и вернуться к назначенному сроку. При этом оформление новой советской визы занимало куда больший срок... Короче, решили погодить. «Неужели раскопали, – мучительно гадал Пьер, – доигрался в Штирлица!»

Можно было, конечно, взглянуть на эту ситуацию и под другим углом – диплом на руках, отрабатывать три года в школе не надо, связь с Мели можно было больше не скрывать... Но не давала покоя мысль – а вдруг это простая бумажная проволочка, вдруг еще осталась надежда зашибить деньгу под тропическим солнцем? Узнать это нормальным путем не представлялось возможным – даже обращаться с подобными вопросами было некуда. Надо было искать «крюки».

* * *

Первый, кто пришел в голову, был, конечно, Морозов. Со Славой Морозовым, следователем с Литейного, Пьера познакомил еще на третьем курсе одноклассник Саня Иванов. В те времена в страшном доме на Литейном штатных

переводчиков не было – вот и нанимали студентов-филологов. Переводили допросы задержанных за дебош или валютные махинации иностранцев. Платили по-царски – 10 рублей за допрос. Правда, 5 рублей надо было отдать тому же «менту с ведомостью», который выдавал деньги. Как его звали, никто не знал. Ну, а какой студент начала 80–х отказывался от возможности заработать пятерку? К тому же, если работа была ночная (а дебоширят все нормальные туристы по ночам), то за переводчиком, «как за взрослым», присылали служебный жигуль.

Бдительные соседки из двора-колодца пытались разгадать, куда по ночам увозит желто-синий милицейский ВАЗ их юного соседа. Однажды Пьер не выдержал и процитировал популярный детский фильм, подходя к машине.

– В лабораторию! – устало, но достаточно громко бросил он шоферу в ночной тишине. После этого, встречая Пьера во дворе или на лестнице, бабульки испуганно смотрели на него и здоровались первыми.

Итак, Слава. По телефону такие вопросы обсуждать было нельзя – пришлось договариваться о встрече, ехать на Литейный и ждать Морозова пару часов в коридоре, т. к. в последний момент того вызвали к начальству. Пьер поймал себя на мысли, что в первый раз попал сюда днем. «Сколько же здесь народу, – подумал он, – не дай бог увидит кто знакомый в таком двусмысленном месте».

Наконец, Слава появился. Пьер, сбиваясь, как мог, по-

пытался изложить свою проблему. Естественно, ни словом не обмолвился о Мели. Слава мрачнел. Видно было, что ему очень не хочется заниматься ТАКИМИ вопросами. Он перезвонил через несколько дней и попросил подъехать вечером к его дому и позвонить ему из будки.

– Погуляем... – туманно сказал Морозов.

Жил он на Черной речке. Метро тогда еще туда не дошло – пришлось долго ехать на троллейбусе. Пьер смотрел на ночной Кировский проспект и думал: «Хоть бы все это уже кончилось!» Хотелось одного – ясности. Троллейбус еле полз, подолгу стоял на светофорах. Потом долго искал телефонную будку. И автомат съел дефицитную «двушку»... Пришлось бегать по округе и просить редких прохожих разменять. В те времена двухкопеечная монета стоила дороже номинала – это была единственная возможность для связи. Добровольно с «двушкой» никто не расставался. Наконец, удалось поменять два «пятак» на десятикопеечную – по весу и форме она соответствовала двухкопеечной. Есть! Заспанный Слава взял трубку.

– Стой, где стоишь, – буркнул он, – сейчас выйду.

Его не было еще минут десять.

– Ну, что тебе сказать... – начал он. – Ты не был со мной до конца откровенен.

«Так... про Мели узнали!» – подумал Пьер.

– Что же ты про родителей не рассказал? Они же у тебя за границей!

По существующим негласным правилам, если кто-то из советских граждан ехал за рубеж, близкие родственники должны были остаться в СССР «в залоге». Родители Пьера уже пятый год работали в Индии, периодически снабжая его модными шмотками и индийским чаем, но в Союзе жили обе бабушки Пьера, сестра и дядя с тетей.

– Слава, гадом буду – вся родня-то здесь! – завопил Пьер.

– Во-первых, не ори. Во-вторых, бабушки-дедушки как якорь не канают. Старые они – сегодня есть, а завтра уже на кладбище... – спокойно объяснил старший товарищ.

– А сестра? – пролепетал Пьер.

– А сестра не считается. Вот если бы она у тебя с оккупантами сотрудничала в годы войны, тогда бы считалось. Правда, не в плюс, а в минус. Короче, завис ты, парень, между небом и землей. Официальный отказ ты не получишь, но и не выпустят тебя никуда, даже в Болгарию, пока родители не вернутся. Да, и насчет работы – устроился бы ты куда-нибудь, а то за тунеядство привлекут.

– Слава, а если родители вернутся, кому дать знать, куда звонить, писать?

– Ты совсем дурак что ли? Короче, разговора этого у нас не было, ты меня ни о чем не спрашивал. Бывай!

Морозов, не подавая руки, быстро пошел к своему дому.

По дороге домой Пьер поймал себя на том, что машинально напевает: «All in all you're just another brick in the wall...»

«Мдя-я-я... Действительно, хоть лбом об стену! – поду-

мал он. – Надо еще „крюки“ искать или хрен с ним?»

* * *

Через неделю Пьер в полной прострации бухал на дне рождения своей двоюродной сестры Аллы. Ее муж, Игорь, работал в аппарате Соловьева – первого секретаря Ленинградского обкома, поэтому стол ломился от «ветчины и прочей антисоветчины» из продуктовых наборов Смольного. Вино тогда было не в большом почете – интеллигенция пила «Алазанскую долину», а народ попроще предпочитал «Агдам» и «777». Водка делилась на «вкусную» и «табуретовку». «Вкусная» у сестры была знатная – экспортная «Stolichnaya» в литровой бутылке. В народе такие большие бутылки называли «сабонисами», в честь Арвидаса Сабониса – легендарного центрового «Жальгириса» и сборной СССР по баскетболу. «Антисоветчина» в рот не лезла, а вот добрую половину «сабониса» Пьер уже убрал, заливая «запивкой» – разведенным в кипяченой воде клюквенным вареньем. Он обожал шумные компании и смешные тосты, гостям нравились песни его сочинения – не всегда приличные, но задорные. Однако веселиться в этот раз не получалось – из головы не выходила идиотская ситуация

– Что с братом? – тихо спросил Игорь у Аллы. Она только пожала плечами.

– Пойдем-ка, шурин, покурим, – позвал он Пьера на балкон.

– Слышь, ты, жуир и бонвиван, что случилось? Ты чего

водяру без закуски хлещешь и сидишь как сын?

И тут Пьера прорвало – и про ситуацию рассказал, и оценочные суждения добавил. Про систему, про людей вообще и про тех людей, «которым Игорь в своем обкоме речи пишет». Игорь слушал, хмурился, а в самой эмоциональной части утащил родственника обратно в комнату – от соседских ушей подальше. Водка без закуски, в конце концов, взяла свое, и Пьер заснул за столом, испортив хозяйке настроение.

Через пару дней позвонил Игорь. Не став слушать покажные речи, пригласил пообедать в Мариинский дворец, где должен был быть по делам.

– Значит так, – сказал он, отхлебывая наваристую солянку, которой славились все «аппаратные» столовки, – вот телефончик и Ф. И. О. деятеля, который ваш универ курирует. Родители вернутся – пусть засветятся. И не говори, где его координаты раздобыл. Усек?

– Усек...

Ситуация начала приобретать хоть какую-то ясность.

Индийский контракт отца заканчивался через год. Домой он особо не рвался – каждый день пребывания оплачивался в твердой валюте, а впереди маячила пенсия. Зато мать навевалась в Питер каждые полгода. Привозила подарки, при помощи Пьера сдавала в комиссионки привезенные кожаные пальто и бусы из бирюзы. Он потом эти деньги получал и откладывал на отцовскую сберкнижку – готовил плацдарм к окончательному возвращению родителей на родину.

В очередной раз мать собиралась приехать к Новому году. «Слишком долго, – решил Пьер, – так без меня Берлин возмут». План был простой – вызвать мать пораньше и напустить ее на «куратора». В ее способности убедить чиновника, что «вот они, мы – тут» (в смысле – с отцом вместе), Пьер не сомневался. Она была пропагандистом от природы и закрытых дверей для нее не существовало. Пьер даже немного жалел своих школьных учителей, когда мама собиралась на родительские собрания. Но как объяснить родителям ситуацию? По телефону такое не скажешь, а почта, отправляемая на адрес советского посольства в Дели, явно перлюстрировалась. Ответ подсказала русская бабушка: «Напиши по-армянски». Отец Пьера был тбилиссим армянином, но армянской азбуки не знал. Пьер вообще по-армянски говорил только со своей второй, южной бабушкой на бытовые темы типа: «иди кушать» или «спать пора». Выход был найден – знакомый ювелир Сурен перевел в общих чертах ситуацию на древний язык, а Пьер изложил все в русской транскрипции. Письмо выглядело так: «Дорогие родители! Был недавно в гостях у тбилисских друзей. Вспоминали вас, пели армянские песни. Одна песня мне так понравилась, что я ее даже записал...» Дальше шла тайнопись. Короче, через две недели мать позвонила. Сказала, что и песня папе очень понравилась, и билет домой уже заказан.

* * *

От дома до работы – пять минут. Удобно. В обед дирек-

триса выдавала по два рубля на нос (считалось, что грузчики могли стать свидетелями чудовищной коррупции в скромном советском овощном магазине). Деньги принимали с серьезным достоинством и тут же скидывали их в «общак». В дружественном магазине «Вино-водка» на Фонтанке гонец (обычно Пьера и отправляли) приобретал пару бутылок «Кубанской» или «Андроповки» с зеленой этикеткой. Если повезет, можно было взять «вина». «Вином», как он быстро выяснил, именовался крепленый виноматериал по цене не выше двух рублей. Все остальные «Каберне», «Саперави» и «Негру де Пуркар» в категорию «вино» не попадали или по крепости, или по стоимости. Их презрительно именовали «кислятиной» или «компотом» в зависимости от содержания сахара. Нехитрую закуску формировали из «местного ассортимента»: соленые огурцы из вонючей бочки, не менее вонючая и рыхлая квашеная капуста, варили картошку на электроплитке. Иногда директриса разрешала списать «на бой» пару банок икры из баклажанов. Если водку Пьерпил наравне со всеми, то заставить себя употреблять «виноматериал» он так и не смог, хотя продолжал скидываться в общак. Пришлось выдумать аллергию на вино.

– Сразу видать – армяшка. Даже болезни не как у русских. Разве бывает аллергия на вино? – удивлялись «коллеги».

Стать своим среди обитателей овощного закулисья так и не получилось. Если директриса сразу для себя сделала вывод: «Понятно – в Израиль нацелился. Ну, да ладно – у ме-

ня не институт секретный. Иди – работай, жидомасон», то узнавшие про университетский диплом грузчики насторожились. Не студент-вечерник, не алкаш – чего ему здесь надо? Даже одеться «по-человечески» у Пьера не получалось. Гардероб его, состоящий из присланных из-за границы шмоток, никак не соответствовал контексту. Старые вельветовые джинсы и ветровка Adidas были уместны в колхозе, куда каждую осень отправляли студентов. Но на фоне профессионально засаленных одежд овощных аксакалов Пьер выглядел чужаком и подкидышем. От привычки пользоваться туалетной водой «One Man Show» пришлось отказаться после вопроса одного из «коллег»: «Чем это здесь шмонит?» Курить появившиеся в продаже финские Pall Mall и Winston пришлось дома за чаем. Для работы пришлось перейти на Беломор, т. к. даже ленинградский Космос за 60 копеек выглядел среди штабелей грязных ящиков инородной деталью.

Устроиться в овощной присоветовал друг Жора, единственный из одноклассников не рвавшийся за границу, а твердо решивший поступать в аспирантуру. Он успел поработать в таком же «бутике» во время каникул.

– И к дому близко, и с голоду не помрешь. Опять же – «за-всегда с народом». Узнаешь, так сказать, сермяжную правду – филологу это полезно.

По специальности можно было устроиться только в школу, но брать человека после начала учебного года и, к тому же, на неопределенный срок никто не хотел. Приехавшая

из Индии мать, конечно же, ахнула: «Сын – грузчик!», но ничего лучше предложить не смогла. Решили, что это ненадолго и «надо потерпеть».

* * *

Мать на удивление быстро разобралась в ситуации (скался богатый жизненный опыт). Немного поморщилась, услышав про «братскую Никарагуа»: «Там же война...», но за дело взялась немедленно.

Таинственный «куратор» сначала онемел, когда она представилась и объяснила, по какому вопросу звонит.

– Где вы взяли мой телефон?! – заорал он, опомнившись.

– Поверьте, люди, которые мне его дали, имели на то полномочия, – не моргнув глазом отреагировала мать, – и они очень обеспокоены задержкой выезда переводчика на контракт. Тем более, что мы все уже дома.

Про оставшегося в Индии отца она, естественно, не упомянула. После этого ей пришлось все-таки съездить на прием к «куратору» и показать ему внутренний паспорт, который она сразу получила в Москве в обмен на заграничный служебный. «Квартиру меняем, надо прописку оформить», – объяснила мать в министерстве.

И снова потянулись дни ожидания. Тут еще и Мели перестала отвечать на звонки – ее загребский телефон молчал, хотя уже начался учебный год и ей надо было приступать к работе над дипломом. Спустя две недели пришло письмо из Франкфурта-на-Майне. Оказывается, она получила сти-

пендию Юнеско для молодых ученых и будет писать диплом в Германии. Что-то по народному творчеству. Своего телефона пока нет, а звонить на проходную студенческого кампуса не очень удобно. «Ты уже в Никарагуа? Надеюсь, мое письмо тебе перешлют...» Пьер не упоминал в переписке о своих проблемах. Сообщил только, что получил назначение и ждет визы. «Как у них все легко! – с какой-то обидой подумал он. – Получила стипендию и – хоп! Уже в Германии». А ведь Мели всерьез собиралась переехать жить в Ленинград. И даже переписывалась с кем-то в Институте этнографии для «наведения мостов». «Не выдержит она нашего развитого идиотизма. Сбежит...» – грустно думал Пьер, но тему эту предпочитал с девушкой не обсуждать. Стыдно было как-то за отечественную убогость.

С началом работы в овощном проблема свободного времени ушла, но проблема общения осталась. «Ближний круг» распался – все были заняты делом. Объяснять новым знакомым, что теперь он – грузчик не хотелось. Да и сил на ритуальные ухаживания за девушками после целого дня возни с ящиками и бочками не оставалось. Организм категорически не хотел привыкать к физическому труду.

Мать купила в «Березке» видеомагнитофон Panasonic, и Пьер до поздней ночи таращил глаза в рябой экран, слушая «остроумные» эскапады гнусавого переводчика: «Срань господня! Посмотри, какая у меня задница!» Появился новый круг общения – видеообмен. Этим людям было абсолютно

безразлично, грузчик ты или академик. Главное – у тебя есть десяток кассет для обмена. Видеосообщество поражало своей неоднородностью – фарцовщики из Апраксина двора, солидные директора НИИ, жены моряков, пара экзальтированных бабушек... Интересы у всех совпадали. Старушка из антикварной квартиры на Невском в обмен на принесенный «Апокалипсис сегодня» Копполы, хитро подмигнув, предложила Пьеру: «Тут у меня про любовь на немецком...» Кино заменяло общение.

Во время перекуров на заднем дворе магазина, Пьер, сидя на ящике и затягиваясь удушливым Беломором, представлял себя каким-то гибридом декабриста, к которому не приехала в Сибирь жена, и «лишнего человека» на Кавказе среди диких горцев. Прочитав на досуге «Путешествие на Восток» де Нерваля, отметил для себя: «Главное качество, необходимое европейцу при путешествии в Магриб, – умение ждать». Ждал...

Наступил декабрь. «Куратор» сказал, что документы давно в Москве, но вызова по-прежнему не было. Темпераментный отец все чаще звонил из Индии и требовал, чтобы мать «возвращалась немедленно, или он за себя не отвечает!» Спорить с ним по телефону было бесполезно, поэтому мать кротко отвечала: «Хорошо, Вазген. Сделаю все, что могу, Вазген». Но обратно пока не собиралась.

В начале декабря, как водится, начали готовиться к Новому году – закупали шампанское, шпроты, овощное ассорти

Globus, колбасу (твердокопченую – на стол, вареную – в салат оливье). Встречать собирались с сестрами и их мужьями на турбазе под Лугой.

К этому моменту у Пьера как-то сам собой начался роман со студенткой Кэтино с вечернего английского. Заехал в субботу по старой памяти на родной филфак попить кофе в верхнем буфете. Народу было немного. Болтая со знакомыми лаборантками за столиком, обратил внимание на эффектную брюнетку с короткой стрижкой.

– На Катку засмотрелся? – усмехнулись лаборантки. – Кэт, иди к нам!

Разговорились. Кэт оказалась таким же «метисом кавказца», как и сам Пьер – ее отец, грузин из Тбилиси уже лет тридцать жил в Ленинграде, работал кардиологом, женился на русской медсестре несмотря на протесты родни и окончательно обрусел.

– Почти земляки... – глубокомысленно отметил Пьер.

– Ты – тоже космополит? – хитро улыбнувшись, спросила Кэт.

Телефонами меняться не стали. Поболтали и разошлись. Однако в понедельник, наскоро приняв душ после работы и от души умастившись любимым One Man Show, Пьер прыгнул в троллейбус и к окончанию занятий вечерников стоял в фойе филфака, лихорадочно всматриваясь в лица выходящих в морозную темноту студенток.

– Меня ждешь? – Кэт неожиданно возникла рядом с Пье-

ром. Он не сразу узнал ее в белой меховой шапке.

– Ага, – кивнул он.

– Ну, ты надушился! – поморщилась Кэт. – Я тебя по запаху почувствовала.

– Это я так потею, – грубо ответил Пьер.

– Ну, пошли тебя проветривать, – она взяла его под руку и потащила к выходу.

С этого дня ежевечернее видео отошло на второй план. Кэт таскала его на просмотры в Дом кино, к друзьям-художникам и фотографам, на концерты тогда еще полулегальных «Землян» и «Машины времени». До знакомства с ней Пьер даже не предполагал, что в Ленинграде такая насыщенная андеграундная жизнь.

Однажды они приехали на электричке в Пушкин, потом долго искали какой-то ДК, брали билеты «по паролю» у подозрительного бородача. В конце концов, оказались в душном зале. Выступал Алик Асадулин со сборным бэндом. Пьер знал его по партии Орфея в зонг-опере «Поющих гитар» и приготовился слушать «качественный официоз». Неожиданно в полумраке повисли знакомые до боли ноты: «Соль, соль – ля-я-я...» А из другого конца сцены ответил орган нервным стаккато. Child in Time! Эту вещь знакомые рокеры если и пытались сыграть, то только в шутку и на репетиции. Петь «как Гиллан» никто не решался. Алик, смотревший до этого в пол, поднял голову и подошел к микрофону. Зал замер в ожидании. Неожиданно чисто и пронзитель-

но прозвучало: «Sweet child, in time you'll see the line...» Это не было «как Гиллан», это казалось лучше! Зал взорвался аплодисментами и свистом.

У Кэт везде были друзья. Попасть на квартирную выставку или концерт в рок-клубе не составляло труда. Все смотрели на нее влюбленными глазами и наперебой предлагали билеты, контрамарки, пароли для проникновения на квартирники. Пару раз Пьеру звонил влюбленный в Кэт фотограф и вызывал «разобраться к метро». Пьер сослался на нехватку времени и пригласил его к себе на работу. Вид хмурых «коллег» по овощному цеху фотографа не вдохновил и «разговора» не получилось.

Учеба на «факультете невест», где парни были нарасхват, приучила Пьера к завышенной оценке своих «мужских» качеств. Разумеется, он читал перепечатанные на машинке «Ветви персика» и «Кама сутру», пытался применять прочитанное на практике, но юношеский задор и нетерпение обычно брали свое. «Скорострелом» он, конечно, не был, но и виртуозом в постели он бы себя, положив руку на сердце, не назвал. Кэт довольно резко осаждала его гусарскую попытку овладеть ею второпях, пока бабушка ушла в булочную.

– Не будь кроликом, – сердито сказала она.

Обычно Пьера настораживали попытки девушек все усложнять и «запрокидывать голову». За таким поведением явно слышались отголоски зловещей мелодии Мендельсона. А в те времена только два музыкальных произведения вы-

зывали в кругу его друзей суеверный ужас: свадебный марш и «Прощание славянки».

Но в этот раз отказ только раззадорил Пьера. Период романтического ухаживания растянулся почти на две недели и ему это даже нравилось. Впервые им удалось остаться наедине после вечеринки у Жоры – его родители уехали «за длинным рублем» на Север и квартира была полностью в распоряжении Жориных друзей.

В этот раз он не был так настойчив и нетерпелив – по ее выражению лица понял, что «все будет». В любви она оказалась намного опытнее Пьера. Мягко, но, не терпя возражений, Кэт взяла «руководство процессом» в свои руки. Это было непривычно, но Пьеру было так хорошо, что он подчинился. Впервые в жизни «занятие любовью» продлилось не полчаса, а почти всю ночь до утра. Кэт ненавязчиво объяснила ему, что в постели надо думать, прежде всего, о партнере, а не о собственном удовольствии. И он старался, и силы не оставляли его, а Кэт в ответ открывала ему все новые и новые секреты наслаждения.

Утром пили чай на кухне Жориной квартиры. Пьер украдкой смотрел на Кэт и пытался понять – это та страстная и опытная женщина, что была с ним этой ночью, или все ему только приснилось?

Как-то даже и не обсуждалось, что Новый год надо встречать с Кэт. Пьер сказал об этом сестре и неожиданно услышал: «А как же Мели?»

Мели... Писать друг другу они не перестали, но по телефону поговорить не получалось. Никто не отменял взятых на себя обязательств, но все это было как-то далеко и абстрактно, а Кэт была рядом. Конечно, Пьер понимал, что долго на двух стульях усидеть не удастся – и Мели, и Кэт не были случайными знакомыми из студенческой тусовки. Обе были личностями и обе серьезно относились к Пьеру. Закономерно было с их стороны ждать такого же серьезного отношения к себе. Но думать об этом не хотелось.

– Кэт знает, что я должен скоро уехать надолго, – ответил он сестре, – полагаю, что иллюзий она строить не должна. А ты же не станешь сообщать Мели про маленькие слабости твоего брата?

– Я бы не хотела быть на ее месте, – сказала сестра.

Пьер на всякий случай не стал спрашивать, на чьем именно месте она не хотела бы быть – Мели или Кэт? Больше к этому разговору они не возвращались.

Звонок раздался за неделю до Нового года, пока Пьер был на работе. Трубку взяла мать и подробно записала куда, когда и к кому надо явиться в Москве за паспортом с визой. В тот же вечер она обрадовала отца: «Вазген, я лечу к тебе, джаник!»

Вечером состоялся семейный совет с матерью и бабушкой: когда сказать Кэт про предстоящий отъезд – до Нового года или после? Обе женщины проявили женскую солидарность и принципиальность – говорить надо сейчас! «Ты

не понимаешь! – втолковывали они наперебой. – Для женщины встреча Нового года – романтический акт, и после этого могут возникнуть надежды и иллюзии!» Сказано – сделано. Не откладывая в долгий ящик, Пьер набрал номер Кэт. Она выслушала, не перебивая. Спокойно попрощалась. «До завтра». Пьер ожидал чего угодно, но только не такой реакции – Кэт была довольно эмоциональным человеком. «Может, оно и к лучшему», – подумал он и включил видик.

Следующие несколько дней были заполнены бытовыми проблемами. Прежде всего, надо было уволиться с работы без скандала. Перед Новым годом в магазине стояли очереди, один из грузчиков ушел в двухнедельный запой, и директриса без боя трудовую книжку не отдавала – требовала отработать две недели. Пришлось подарить ей индийские бирюзовые серьги.

– Ехай в свои Палестины. Удачи! – сказала она, возвращая трудовую.

– Так и не разобралась, что я не еврей, – подумал Пьер и пожелал ей счастливого Нового года.

Теперь надо было взять билеты в Москву и поискать технические словари у букинистов. Мать составила два длинных списка: «Индия» и «Никарагуа». Необходимо было купить огромное количество бытовых мелочей для отбытия за границу. Носки х/б, лекарства, мыло, стиральный порошок, сувениры, фотопленка, водка, зубные щетки...

– А там это все нельзя купить? – осторожно спросил Пьер,

обычно предпочитающий не спорить с матерью.

– Государство оплачивает тебе перевозку 65 килограммов багажа. Зачем тратить валюту там? – мудро ответила она. Пришлось заняться списками. За этой чемоданной суматохой встретиться с Кэт как-то не получалось, хоть и звонил он ей каждый вечер. Неожиданно, дня за три до Нового года Кэт заявила, что встречать будет с родителями: «Так у нас принято...» Пьер не стал возражать – жизнь сама расставляла все по местам.

Новый год прошел на удивление весело. Ели шашлыки, парились в бане, окунались в прорубь с нечеловеческими воплями, пели песни под гитару и даже танцевали на столах. Пьер давно так не веселился. Он постоянно был в центре внимания – жарил и торжественно вносил шашлыки, громче всех орал: «Вот! Новый поворот!», пел скабрёзные песенки собственного сочинения, махал вениками в бане, организовал конкурс мужских ног... Про Кэт вспоминать времени не было. Вернувшись в город, он звонил ей несколько раз, но она, ссылаясь на занятость (сессия), от встреч уклонялась.

Подошло время отъезда в Москву. Сестра с бабушкой накрыли стол. Собралась родня и университетский друг Жора. Дядя пытался «вести стол», распределял тосты, но мать постоянно отбегала проверить: где документы? такси вызвали? замок на сумку повесили? Потом как-то расслабилась и успокоилась. Оказалось, что времени до отъезда еще много, пошли воспоминания, как бабушка с дедушкой уезжа-

ли служить в Монголию... Жора взял гитару и как-то очень к месту запел: «В далекий край товарищ мой собра-а-лся...» А Пьер все ждал. Кэт знала, что он сегодня уезжает. Могла позвонить, а могла и прийти. Ждал, пока садились в такси, потом ждал на перроне у поезда. Кэт не пришла и не позвонила...

* * *

Москва встретила морозом и сюрпризами. Пьер отправился к указанному в телефонограмме чинуше в ГКЭС (Госкомитет по экономическим связям). Пропуск был заказан, вежливый вахтер объяснил куда пройти. Седовласый мужчина в хорошем костюме пил чай за огромным письменным столом. Застекленный шкаф за его спиной был уставлен скромными, но со вкусом подобранными сувенирами из разных стран. Удивляла тсанта – высушенная человеческая голова размером с кулак с зашитыми губами и надписью по-испански «Добро пожаловать в Перу».

– Заждались мы вас, молодой человек. Заждались...

Мужчина отхлебнул чай и вдруг, перестав улыбаться, спросил:

– Связи в Аэрофлоте есть?

– Разумеется, – на всякий случай ответил Пьер, – а какие проблемы?

Оказалось, что полученная невесть когда *выездная* виза в синем загранпаспорте Пьера, заканчивалась в следующий вторник. А самолет в Манагуа летал раз в неделю – по поне-

дельникам. И билетов на ближайший понедельник не было. Увы... Следовательно, надо было снова получать разрешение на выезд из СССР, что в те времена было намного сложнее, чем получить визу США или Франции.

– Короче. Вот вам паспорт, вот платежка в Аэрофлот – попытайтесь достать себе билет. Удачи!

Пришлось подключить живущих в Москве одноклассников отца. Этим же вечером, упаковав в пакет с надписью «ГУМ» бутылку армянского коньяка и огромную коробку конфет, Пьер приехал в кассу Аэрофлота у Крымского моста. Там было душно и тесно. Грустные и усталые люди брали штурмом стеклянную перегородку.

– Анна Васильевна, – заорал Пьер, отыскав нужную ему пожилую даму в форме стюардессы, – вам пакет от Шалвы Геннадиевича.

И перекинул гостинец через перегородку. Профессиональным поглаживанием оценив содержимое, дама отрывисто бросила:

– Напиши рейс... Паспорт... Платежку... Погуляй часок.

Мать улетала в Дели в пятницу, и Пьер поехал в Шереметьево ее провожать. Таможенные правила в СССР были очень строгие. Досматривали тщательно и любую не понравившуюся вещь могли не пропустить. Поэтому было очень важно иметь провожающего для подстраховки. Мать на удивление легко прошла таможенный контроль – отняли только связку сушеных белых грибов.

– Вы что – не знаете, что продукты можно вывозить только на время следования? Грибы будете в самолете есть?

Мать спорить не стала – отдала связку Пьеру. После этого попыталась сдвинуть багажную тележку.

– Разрешите помочь, – попросил Пьер, – у мамы спина больная.

Таможенник кивнул. Дойдя до паспортного контроля, Пьер вынул из кармана грибы и сунул их матери в сумку.

Во второй половине дня поехал сдавать комсомольский билет на хранение в ЦК комсомола и на обязательный инструктаж в ЦК КПСС. В огромном зале за партами по одному расселись убывающие за рубеж специалисты. Перед каждым лежал альбом в синем коленкоре с надписью в верхнем левом углу «Для служебного использования», но открывать их пока не разрешили. В тишине было слышно, как кто-то сдавленно кашляет. Вошел пожилой мужичок в сером костюме и ласковым голосом начал рассказывать, какие ужасы ожидают всех присутствующих за рубежом. Провокации начинались, по его словам, прямо по прибытии в аэропорт назначения. Получалось, что из гостиницы лучше вообще не выходить (даже в коридор), и постоянно думать, как бы побыстрее и невредимым вернуться на Родину. После этого всем разрешили открыть лежащие на партах синие альбомы и ознакомиться с инструкциями по пребыванию за границей. Надо признать, что Пьер с интересом прочел этот опус. Кроме бесчисленных запретов (покупка лотерейных биле-

тов, участие в концертах, пользование банковскими услугами, посещение русских ресторанов) там были перечислены ситуации, в которые мог по неопытности попасть заграникомандированный. Чаще всего приводились примеры с падением в купе (каюту) с лицом противоположного пола. В этом случае провокации предлагалось «отвести» (Пьер так и не понял, что это значит), а после этого «заявить протест». «Интересно, – подумал Пьер, – если я в купе поезда увижу бабушку и заявлю протест, меня сразу в дурку упекут?»

Наступил понедельник. Провожать Пьера вызвался отцовский одноклассник. Таможня в этот раз «добро не давала».

– Это чей фотоаппарат? Твой? На продажу везешь? А это что за консервы? Выгружай!

Пьер сгреб дефицитную тушёнку со стола досмотра и отнес ее провожающему. Таможенник, уже поставивший штамп на декларацию, не ожидал такого хода событий (обычно продукты доставались ему). Заорал:

– Ну, ты у меня еще назад поедешь!

– Когда я поеду, тебя уже посадят, – буркнул Пьер и взялся за тележку. Вдруг что-то заставило его обернуться. За металлическим барьером, кусая губы, стояла Кэт.

* * *

Перелет прошел как в дыму. После того, как дежурный пограничник оттащил Кэт и вытолкнул ее за барьер, Пьер почти ничего не помнил. Сначала он пил водку в зоне выле-

та, выгребая из карманов последние рубли. Потом пил сухое вино из кувшина, принесенного сердобольной стюардессой. Попутно пытался отвечать на вопросы северокорейского дипломата с розовощежим Ким Ир Сеном на лацкане. Дипломат просто хотел выпить на халяву и заодно попрактиковаться в испанском. Трехчасовую пересадку в Шенноне Пьер проспал. Проснулся только после того, как его фамилию в третий раз объявили по трансляции. Весь трансатлантический перелет до Гаваны пытался читать Маркеса на испанском, но так и не продвинулся дальше первой страницы. В гаванском аэропорту пошел осматривать сувенирные лавки. Дорогущие сигары, ром, открытки с Че Геварой. Дошел до туалета. Заглянул – вода на полу по щиколотку. Усмехнулся: «Здравствуй, Родина...»

* * *

Аэропорт Сандино в Манагуа был забит людьми в форме. Такого количества людей с оружием на гражданском вроде бы объекте Пьер еще не видел. Как и обычные пассажиры, они катили тележки с багажом, ругались с дежурными, обнимались при встрече.

Что-то объявляли по трансляции, пару раз к нему обратились с вопросами – он ничего не понял!

«Стоп! Успокоиться! Все надписи по-испански, все понятно. На каком же чертовом наречии они тут говорят?»

Начал прислушиваться. Говорили, вроде бы, по-испански, но ощущение было, что все набрали в рот горячей картошки

и при этом пытаются общаться. С трудом отвечая на вопросы, прошел паспортный контроль, получил багаж. Что дальше? Никто его не встречал. Пьер попытался вспомнить, что в этом случае рекомендовал синий альбом с инструкциями, но ничего подобного там не рассматривалось. «Трындец! – подумал он. – Ни денег, ни адреса, ни телефона. Приехал в Гагры по путевке...»

– Пьерушка, дружище!» – кто-то с силой хлопнул его по плечу.

Рядом стоял однокашник Осип Александров. Загорелый, в таком же камуфляже, как и большинство военных вокруг.

– Ося! – с облегчением выдохнул Пьер. – Ты меня встречаешь?

– Да нет, – отмахнулся тот, – мы своих ждали.

– Подвезите меня хоть до посольства, – жалобно попросил Пьер.

– Извини – ночь на дворе, а нам еще в Коринто пилить. Если что – я там, на базе минных тральщиков.

Осип махнул рукой и убежал за такими же загорелыми ребятами в форме.

«Может, такси взять. Часы в залог оставляю, сам в посольство зайду за деньгами...»

Взгляд уперся в пожилого полного господина с сигарой: «На англичанина похож. Руки конопатые. Сигарой своей дымит в помещении...»

Внимание привлекли босоножки на ногах «англичанина».

На прошлой неделе мать уговаривала Пьера купить такие же в Ленинграде. Родной «Скороход» ни с чем не перепутаешь.

– Señor... – робко обратился Пьер к человеку с сигарой.

– Ну, чего тебе? – последовал ответ. – Не встретили, что ли?

«Англичанин» оказался советником по безопасности советского посольства. Звали его Владимир Алексеевич Моторыгин. Каждый понедельник он приезжал встречать рейс Аэрофлота. Забирал служебную почту у экипажа, а заодно подбирал таких же «потеряшек», как Пьер. Уже сев в Bluebird спасателя, Пьер вдруг вспомнил, что именно такой случай был приведен в «синем альбоме» и надо бы спросить у незнакомца документы... «А... будь, что будет», – подумал Пьер.

Машина быстро летела по широкой улице с множеством светофоров на перекрестках – по одному на каждый ряд. В широкую разделительную полосу был вкопан танк. Рядом стоял часовой с автоматом.

– ДОТ, – мотнул головой Владимир, – к вторжению готовятся.

Пьер загрустил.

Судя по обилию ночных кафе и магазинчиков, приближались к центру города. Внезапно взору открылся странный пейзаж – огромное пространство было заполнено одними фундаментами. С одного края его ограничивал старинный собор, в дальнем конце виднелось современное здание в ви-

де пирамиды майя, а слева возвышался высотный дом с синим логотипом *Bank of America*. Моторыгин заметил удивленный взгляд Пьера:

– Землетрясение здесь было в 72-м. Вот, только эти высотки и устояли. А до этого шумный центр был – магазины, рестораны... Теперь Манагуа одноэтажный.

Миновали пустые кварталы, дорога пошла вверх.

– За холмом – новый центр. Район Болонья-1. Там твои живут. Третий месяц тебя дожидаются...

Действительно, вскоре начались красивые виллы с аккуратно постриженными газонами. Возле одной из них советник остановил машину:

– Слезай – приехали.

У ворот виллы стоял бородатый охранник с автоматом. «АК-47, – определил Пьер – еще под старый патрон. Где его откопали?» Моторыгин по-своему истолковал удивленный взгляд:

– Не удивляйся – это конфискованная вилла личного врача диктатора Сомосы. Теперь здесь Дом приемов INE – Никарагуанского Института Энергетики. Пока вас здесь поселили.

На веранде показавший пожилой человек в семейных трусах с газетой «Правда» в руках.

– Егорыч, принимай переводчика, – крикнул ему советник через забор.

– Надо же! – пожилой удивленно взмахнул газетой. – А мы

его уже и ждать перестали.

Через полчаса Пьер, перетащив вещи в выделенную ему комнату и умывшись с дороги, познакомился с обитателями Дома приемов. Во внутреннем дворике у маленького бассейна накрыли стол. Хозяева выставили ром и пиво, Пьер приволок из распакованного багажа бутылку «Сибирской». Кто-то сорвал с дерева пару грейпфрутов и порезал их кружочками на тарелке. Советскую диаспору представляли москвичи: пожилой в трусах – Дмитрий Егорович и молодой спортивный Руслан. Кроме них здесь же проживали интеллигентный чех Мирек и молодой болгарин, похожий на молодого Мастрояни, по имени Боян. Мирек и Боян работали на проекте термоэлектрической электростанции, использующей энергию вулкана Момотомбо, а Егорыч с Русланом о своей работе рассказывать не стали. Дали только понять, что Егорыч здесь старший и «завтра все узнаешь». Телекс о прибытии Пьера из Москвы так и не пришел. Видимо, человек из кабинета с сувенирами полагал, что не удастся добыть билет на самолет, и оформление затянется на неопределенный срок.

Среди ночи Пьера разбудила серия выстрелов. «Твою мать! Началось...» – пробормотал он, натянул джинсы и, схватив паспорт, выбежал во внутренний двор. За столом сидел Альберт в одних трусах и слушал какую-то русскоязычную радиостанцию по шикарному приемнику Grundig, стоящему на стуле рядом. Увидев Пьера, он быстро выключил.

чил звук и испуганно спросил:

– Ты что не спишь?

– Так стреляли же!

Альберт рассмеялся:

– Это игуаны – ящерицы такие большие по крыше бегают. А кровельное железо грохочет. Ух, ты – и паспорт не забыл – молодец!

* * *

Утром после завтрака погрузились в потрепанный Nissan Patrol. Егорыч сел за руль, Альберт – рядом, а Пьер пристроился на заднем сиденье. На «сейке», подаренной отцом, было 7:15. Рановато...

Выехали на перекресток и покатали по центральной улице. Альберт хохотал, пересказывая ночное происшествие, но Пьер слушал вполуха – хотелось осмотреться. Вместо асфальта улица была вымощена фигурной плиткой, но машина шла ровно и ее почти не трясло. По дороге опять проехали несколько врытых в землю танков. Часто встречались наши УАЗы с солдатами в камуфляже. Пьер обратил внимание, что поворотники почти никто не включал, а любой маневр (обгон, поворот, перестроение) обозначали звуковым сигналом. На дороге стоял непрерывный гул от клаксонов. Егорыча это нимало не смущало. Он сам, перестраиваясь из ряда в ряд, непрерывно жал на сигнал. Впереди показались огромные рекламные конструкции с надписью: «*Seguimos De Frente Con El Frente*»

– Всегда впереди с Фронтом... Это что за Фронт такой? – поинтересовался Пьер.

– СФНО – Сандинистский Фронт Национального Освобождения. Короче, «партия – наш рулевой», только на местный лад, – ответил Егорыч.

Подъехали к длинному зданию с надписью INE на фасаде. Обогнув его, остановились у блокпоста при въезде на парковку. Серьезный молодой солдат заглянул в машину, проверил пропуск, который предъявил ему Егорыч и махнул рукой на пост: «Открывай». Шлагбаум открылся и Nissan въехал на территорию. Когда окно Пьера поравнялось с будкой, он увидел на коленях у сидящего там военного ручной пулемет. «По-взрослому тут у них...» Парковка располагалась по периметру большого, видимо футбольного, поля. Только ворота, забранные металлической сеткой, были выше футбольных и стояли в углу.

– Тут что, дискоболы тренируются или здоровенные девки молот на проволоке крутят? – спросил Пьер.

– Про бейсбол слышал? Это бейсбольное поле. А еще они в жару в софтбол здесь играют. Правила те же, но мячик побольше и летит помедленнее, – ответил Альберт.

Ровно в 7:30 вошли в длинное офисное помещение, разделенное перегородками.

– Революционный порядок! – ухмыльнулся Егорыч, взглянув на часы.

– А почему так рано? – спросил Пьер.

– Да потому, что жарко. И обедают здесь не час, как у нас, а три – сиеста. Спят после обеда, как в детсаду, – объяснил Альберт.

– Располагайся, танкист. Вон – стол свободный, – махнул рукой Егорыч.

– Почему танкист? Я – переводчик, – удивился Пьер.

– Сейчас все узнаешь, – хохотнул Альберт, – проведем с тобой курс молодого бойца.

Пьер сел на вертящийся офисный стульчик и приготовился внимать. Егорыч, заглянув за соседние перегородки и убедившись, что лишних ушей здесь нет, сел напротив и сказал:

– Ну, слушай, студент. Только ничего не записывай.

Ситуация складывалась следующая:

Революционная Республика Никарагуа полностью зависела от поставок нефтепродуктов из СССР. Небольшой нефтеперерабатывающий заводик Esso в пригороде Манагуа погоды не делал. Каждую неделю в порт Коринто приходили танкеры с советской соляркой и тогда еще дефицитным 95-м бензином. Опоздание танкера из-за шторма вызывало транспортный коллапс – страна замирала. Военные имели свои запасы горючего, но рейсовые автобусы и грузовики с продовольствием втавали на прикол. В этом случае в экстренном порядке помогала с горючим братская Куба, но пару дней страну все равно лихорадило. Раньше была возможность создать стратегический запас на нефтебазе порта Коринто, но год назад катер, приплывший со стороны Гонду-

раса, расстрелял стоящие на берегу резервуары и они сгорели вместе с содержимым и коммуникациями. Тогда и появилась идея построить хранилище для светлых нефтепродуктов в более безопасном месте.

— Гляди, — Егорыч ткнул карандашом в карту на стене, — это местечко называется Пьедрас Бланкас. Здесь подготовлен скальный вырез, где нам и предстоит соорудить защищенные резервуары.

Пьер подошел к карте:

— Странное какое-то место. До порта разгрузки километров 100, до Манагуа — почти столько же. Населенных пунктов вокруг нет. Там что, дороги хорошие, трубопроводы проложены или система ПВО какая-то особенная?

Егорыч с Альбертом переглянулись:

— Вдумчивый студент попался. Нет, парень, там ни дорог, ни трубопроводов готовых. Зато вот здесь — совсем рядом, болгары взлетно-посадочную полосу катают. Понятен ход мысли?

— Неужели МИГи прилетят?

— Ну, этого нам не скажут, а только FAS (ВВС республики) на сегодняшний день состоят из нескольких стареньких Локхидов и переоборудованных легких самолетов типа Сессна. Есть наши вертолеты Ми-8 и МИ-25. Такая серьезная база им не нужна. А наш сосед Боян всю осень отбирал добровольцев из местных сандинистов и отправлял их в авиационное училище в Болгарию.

– Так он же – инженер на электростанции... – пробормотал Пьер.

– Ага, – рассмеялись Егорыч с Альбертом, – а все мы в Институте Энергетики работаем.

– Ты слушай дальше, – продолжил Егорыч, – проект – стратегический, решили его засекретить. Нашего телефона даже в аппарате экономического советника нет, которому мы формально подчиняемся. Тебе повезло, что в аэропорту ты на главного по безопасности наткнулся – только он нас «пасет». Светлые головы в Москве решили назвать проект «Резервуары» – коротко и понятно. А какой-то яйцеголовый переводчик, вроде тебя, перевел название на испанский как «Tanques», хотя в этом языке и другие обозначения для резервуаров имеются.

Пьер задумался:

– Может, recipientes?

– Может, и так, я в иностранных наречиях не силен, – ответил Егорыч, – да только по-испански слово «tanques» еще и «танки» обозначает. И вот какая картина нарисовалась – страна маленькая, слухи быстро распространяются. Под крышей Института Энергетики, который всеми стратегическими проектами заправляет, работает группа советских специалистов, ни перед кем не отчитывается и по всем ведомостям (питание, проживание, автомобиль...) проходит как «проект Танки». Интерес к нам, прямо скажем, повышенный.

– У кого интерес? – спросил Пьер.

– Видишь ли, правительство Никарагуа ввело безвизовый режим для всех желающих приехать и помочь молодой республике. Со всех концов света сюда рванули добровольцы за революционной романтикой. Тут целые лагеря бородатых живут – французы, немцы, американцы... Все как один в майках с Че Геварой и книжки про Мао Цзе Дуна читают. Кофе помогают убирать, дороги строить... А в результате – раздолье для разведок всех мастей. К нам, в Дом приемов INE, постоянно всякая шушера в гости напрашивается. О солидарности поговорить, пива выпить....

– Провокации надо отводить и протесты заявлять... – пробормотал задумчиво Пьер.

Коллеги рассмеялись:

– Внимательно синий альбомчик листал! В общем, давай – без идиотизма, но с осторожностью.

После этого Альберт вывалил на стол кучу папок с документацией на поставки оборудования из СССР:

– Изучай. Ты таких слов и не слышал еще, наверное.

Названия у документов действительно были незнакомые: «Bill of Lading», «Packing List», «коносамент»... Но самое интересное было в тексте. Все слова вроде бы были испанские, но смысла никакого не несли. Складывалось впечатление, что кто-то, взяв словарь, механически переводил русские слова, беря первые попавшиеся значения из словарной статьи.

– Это что за белиберда! – заорал Пьер через полчаса попыток что-либо понять.

– Надолго тебя хватило, – ухмыльнулся Альберт, – никарагуанцы сразу с воплями прибегают, когда такое видят. Это умники, вроде тебя, в Москве работают. Давай, записывай номера позиций и артикулы – буду объяснять, где что.

Так, за составлением собственного словаря, время до обеда пробежало незаметно.

– Все, хлопцы, – Егорыч посмотрел на часы, – соблюдайте революционный порядок. Обедать пора!

На часах было 12:00.

– Где обедаем? – бодро спросил Пьер, обрадованный возможностью оторваться от скучных бумаг.

– А обедаем мы дома, – ответил Альберт, – не по чину нам в служебную столовую ходить. Мы же – секретные специалисты, у нас секретная еда!

– Ага, – подхватил мечтательно Егорыч, – и пиво секретное, и рома 100 грамм. Сиеста...

Пьеру определенно начинали нравиться местные порядки.

* * *

Вечером Альберт заглянул в комнату Пьера:

– Пойдем, пройдемся. Окрестности посмотришь.

Уговаривать не пришлось. Пьеру и самому охота было провести рекогносцировку.

– Дмитрий Егорыч, мы – гулять, – крикнул Альберт сидя-

щему с газетой Егорычу.

– Хорошо, но долго не блудите, – ответил тот, – завтра вставать рано – на объект поедем.

Ребята прошли переулками и вышли на оживленную улицу. Из многочисленных кафе неслась явно латиноамериканская музыка, но пели по-английски.

– Это кто поет? – поинтересовался Пьер.

– «Dimension costeña», – ответил Альберт, – чернокожие ребята с атлантического побережья. Там, в основном, английский в ходу.

Повсюду стояли тележки со всякой снедью, пахло аппетитно. «Кесийо! Кесийо! – орали наперебой продавцы. – Вигорон! Вигорон!»

– Это что еще такое?

– Замечательная закуска! – мечтательно закатил глаза Альберт. – Жареная свиная кожа, а на нее сверху кладут острую квашеную капусту. И как они такую прелесть без водки едят!

Тротуар был усыпан маленькими полиэтиленовыми пакетиками. Многие гуляющие держали такие же пакетики в кулаке и периодически подносили их ко рту.

– Что это они полиэтилен сосут? – поинтересовался Пьер.

– Кока-кола это, – ответил Альберт, – только с бутылками здесь проблема из-за американского эмбарго. Вот и наливают в пакеты. Откусил уголок – и соси. Удобно.

Народ был одет небогато, но по-вечернему нарядно. Мно-

го было людей в военной форме. На другой стороне улицы кинотеатр сверкал названием «Altamira». На афише радостно подпрыгивали голые девицы – Пьеру здесь определенно нравилось.

– А сколько билеты стоят? – спросил он.

– Давай-ка, парень, присядем, и я с тобой курс политэкономии проведу.

Они заняли столик в уличном кафе и заказали по кружке пива.

– Смотри, – Альберт вытащил из кармана пачку цветных ассигнаций, на которых был изображен серьезный мужчина в широкополой шляпе, – это купюра 100 кордобас. По официальному курсу в банке за один доллар здесь дают 28 кордобас. А на вещевом рынке цена одного зеленого – уже 150, хотя неделю назад было 120. Билет в кино стоит 30, пиво, которое ты пьешь – столько же. Что, по-твоему, лучше – пять бутылок пива или одна?

– Понял, не дурак, – ответил Пьер – а зарплату в чем выдают?

– Правильный вопрос. Зарплату выдают в долларах. По желанию часть можно отправлять во Внешторгбанк и потом получать в Москве чеками Внешпосылторга для «Березки». На чеки дома можно и машину купить без очереди, и кооператив построить.

– А кто валюту меняет?

– Валютчики на рынке меняют.

– Нет, из нас кто меняет? Ты? Егорыч? Не всей же толпой к валютчикам катаетесь?

– А вот меняют здесь, в основном, переводчики – так принято. У вас языкового барьера нет, вам проще договариваться. Так что – бери бухгалтерию в свои руки.

– Спасибо за доверие. – буркнул Пьер, – Одолжи до зарплаты.

– Нет проблем, – Альберт отсчитал шесть сотенных бумажек, – только вернешь 4 доллара, по сегодняшнему курсу. А то еще неизвестно, сколько зеленый через неделю стоит будет. Война, понимаешь...

Домой, как и обещали, вернулись не поздно. Бородатый охранник на веранде показал глазами в сторону кухни.

– Чего там? – спросил Пьер.

– Догадываюсь, чего, – ответил Альберт.

Из кухни донеслось невнятное бормотание. За кухонным столом сидел Егорыч с закрытыми глазами и плавно покачивался, разговаривая с кем-то невидимым. На столе валялись мандариновые шкурки и стояла недопитая литровка местного рома Flor de Caña.

– И часто это с ним? – поинтересовался Пьер.

– Да все чаще... – грустно ответил Альберт.

* * *

Выехать рано не получилось. Сначала долго будили Егорыча. Потом Егорыч долго препирался с Альбертом, не дававшим ему опохмеляться.

– Перетерпите, Дмитрий Егорыч, – увещевал Альберт, – вы же потом долго из «пикé» не выйдете!

В итоге авторитет старшего победил и порозовевший от стаканчика рома Егорыч с невинным видом спросил у Пьера:

– А права у вас, молодой человек, имеются?

Выяснилось, что у Альберта прав нет, а вести машину по горному серпантину после опохмела Егорыч не собирался. Права, конечно, у Пьера были. Получил еще в 82– м. Вот только практики с этого самого 82– го практически не было – несколько поездок по загородным дорогам с друзьями мастерства не прибавили.

– А сегодня ехать обязательно? – спросил Пьер.

– Не то слово – нас там геодезисты ждут! – ответил Альберт.

Дрожащими руками Пьер завел ниссан, тронулся задним ходом и почти сразу поломал росшую в палисаднике папайю. Сидевший на заднем сиденье Альберт закрыл голову руками, а Егорыч лишь беспечно махнул рукой:

– Давай, парень, не тушуйся – этого добра здесь до хрена растет.

Переулок преодолели без приключений, а вот с выездом на главную магистраль возникли проблемы – бесчисленные тележки торговцев, снующих по переходу и по обочине практически не оставляли шансов оперативно выскочить из бокового проезда. Минут пять ушли в бесконечных попытках.

Наконец, Егорыч рявкнул:

– Альберт, договорись с таможей!

Альберт не спеша вылез из машины и уперся ногой в медленно тащившуюся тележку продавца ананасов. Торговец начал выкрикивать проклятья, но Альберт, не обращая внимания, махнул рукой Пьеру: «Выезжай».

– Главное – не связывайся с военными. Этим ребятам закон не писан – могут и пристрелить на дороге. И не забывай сигналить погромче при обгоне и повороте, – поучал Егорыч.

На окраине дорога пошла в гору.

– Этот район называется Планетариум, – объяснил Альберт, – здесь последние не удравшие богачи живут.

Вид отсюда открывался красивый: с одной стороны виллы, утопающие в зелени, с другой – живописные холмы. Внезапно начался серпантин. Давно Пьеру не было так страшно. Ему постоянно казалось, что тяжелый внедорожник сейчас опрокинется в пропасть. «Не бзди!» – орал Егорыч и в последний момент перехватывал руль. Альберт на заднем сиденье только ойкал и матерился. Наконец выехали на длинный ровный участок, пересекающий долину надвое. Справа возвышалась красивая гора, напоминающая одну из вершин Арарата, знакомого всем по этикетке армянского коньяка. «Вулкан Момотомбо», – объяснил Альберт. Егорыч безмятежно спал.

До места доехали без приключений. Несколько раз на до-

роге встретились военные посты, но солдаты лишь махали руками, увидев седого солидного европейца на пассажирском сиденье: «Проезжайте».

Площадка была огорожена колючей проволокой, охранялась, но работы не велись. У вертикальной стены скального выреза сиротливо приткнулся бульдозер ЧТЗ, а под навесом неподалеку мирно спали геодезисты. Пьер попытался вспомнить какие-нибудь термины из геодезии, но ничего, кроме таинственного слова «тригопункт» на ум не приходило. К счастью, один из геодезистов почти без акцента говорил по-русски – учился в Москве. Проснувшийся Егорыч схватил русскоговорящего за плечо и поволок его проверять какие-то «реперные точки».

Жара стояла невыносимая. От раскаленного каменистого грунта поднималось зыбкое марево. Пьер с Альбертом отошли под навес. Один из охранников, бросив автомат в пыль, сидел на корточках перед кипящим на костре котелком. Пьер присел рядом и заглянул в булькающую посудину – оттуда торчала костистая лапа.

– Алик, – спросил он, – кого это они варят?

Альберт присел рядом и пригляделся:

– Игуану. Их тут до черта. Лупят по ним из автоматов, а потом из ошметков кошеварят.

– А чего народу на площадке нет?

– Сбежали. Тут постреливают, вот народ и бежит. Ничего – на следующей неделе заключенных обещали пригнать.

И кубинские военные строители в марте прилетят. С бульдозеристами только проблема – инструктор из Тракторозкс-порта уже троих обучил – все сбежали.

На обратном пути Егорыч напряженно молчал – сказывалось тяжелое похмелье и часы, проведенные на жаре. Когда проезжали деревеньку километрах в тридцати от Манагуа, увидев вывеску *Cerveza Toña* (пиво Тонья), он неожиданно хлопнул ладонью по торпеде: «Стоп! Мужики, мы сегодня хорошо потрудились – с меня пиво». Пьер бросил осторожный взгляд в зеркало заднего вида на Альберта – тот брезгливо поморщился и пожал плечами: «А куда мы денемся».

Выгружали спящего после пяти кружек пива Егорыча втроем с бородатым охранником. Неожиданно шеф проснулся, огляделся и, нетвердым шагом, но самостоятельно двинулся к своей комнате, бросив Пьеру через плечо:

– Машину помой.

– Приплыли... – подумал Пьер.

* * *

Следующие несколько дней прошли в однообразном режиме – разбор документов, перевод телексов из Москвы, переговоры с местными строителями. Удалось созвониться с Осипом, которого Пьер встретил в аэропорту. Тот умудрился простудиться в такую жару и несколько дней провел в советском военном госпитале в Чинандеге. «Лафа, – рассказывал он, – целый день валяюсь, книг куча, рано вставать не надо, медсестры молоденькие...»

– А сегодня, господа, зарплата, – ласково объявил в один из дней Егорыч. – Студент, проставляться будешь. И машину помой – к начальству едем.

Пьер уже как-то смирился с ролью шофера при Егорыче, но не любил, когда ему об этом напоминали.

Зарплату выдавали в Экономической Миссии СССР, которая находилась рядом с посольством, в пригородном районе Лас Колинас. Это был дипломатический район, въехать туда можно было только через блокпост, а периметр круглосуточно охранялся автоматчиками. Зато дети и жены дипломатов могли спокойно гулять, посещать спортзал и теннисные корты, плавать в бассейне. На территорию Миссии, окруженную высоким бетонным забором, можно было попасть через железную калитку, подробно представившись в интерком. За стеной стояли уютные коттеджи сотрудников миссии, со спортивной площадки доносились удары по мячу и возгласы болельщиков.

К окошечку кассы стояла небольшая очередь. Пьер назвал свою фамилию.

– У вас паспорт не сдан, – услышал он в ответ, – денег не получите!

– Куда не сдан? – не понял Пьер. – Почему не получу?

– Пройдите в бухгалтерию, – услышал он в ответ.

– Где же вы ходите? – строго спросил бухгалтер. – Неделю, как прилетели, и до сих пор ходите с паспортом! Телефона вашего в справочнике нет, где вас искать?

Выяснилось, что паспорт гражданину СССР нужен только для пересечения границы, а прибыв на место, он должен сдать его от греха подальше, чтобы не было соблазнов смотаться в соседнюю страну, открыть счет в иностранном банке, да и мало ли чего может натворить человек, имеющий паспорт... Главный документ гражданина немедленно перекочевал в сейф бухгалтерии, а взамен Пьеру выдали сомнительного вида бумагу с фотографией, печатью и текстом по-испански, мол, паспорт владельца находится в консульском отделе СССР «на оформлении».

– Идите теперь в кассу. И не забудьте заехать в Посольство – встать на физкультурный учет.

– Какой учет?

– Физкультурный, вам сказано!

Оказывается, согласно неведомому циркуляру, за границей комсомольцев надо было именовать «физкультурниками», а членов КПСС – «членами профсоюза». Соответственно платились и взносы – «физкультурные» или «профсоюзные».

Пьер получил деньги и внимательно рассмотрел зеленые бумажки, которые до этого видел только в кино в руках отрицательных персонажей. Доллары...

– Поехали в посольство, – легонько подтолкнул его шеф, – мне надо взносы профсоюзные платить.

– Вот, – потряс он пятидолларовыми купюрами, – каждый месяц целые джинсы им отвожу!

Пьер подумал, и решил на «физкультурный учет» пока не становиться.

* * *

Довольно быстро начали приходить письма из дома, так как они не пересылались с обычной почтой, а прилетали по понедельникам с рейсом Аэрофлота на адрес советского посольства. Оставалось только заехать и забрать их со стола в коридоре экономической миссии. Писали все: сестры, дядя, тетя, даже родители умудрились переслать письмо из Индии. Кэт прислала только свою фотографию с пририсованной слезой в полщеки – это было в ее стиле.

Сложнее было с Мели – Пьер знал ее адрес в Германии, но как быть с обратным? Он пытался выяснить адрес Дома приемов у Альберта, но тот только пожал плечами. Пришлось заняться этим вопросом вплотную. Выяснилось, что почтовых адресов в классическом понимании в Манагуа не существует. То есть были какие-то кадастровые номера участков под застройку, но никто ими не пользовался. Обычно адрес доставки выглядел так: «Два с половиной квартала вниз от места „где было деревце“. Донья Хуарес». Пьер начал выяснять, что за «деревце». Оказалось, что «деревце» («Arbolito») – название универмага. А когда он там был? До землетрясения 1972 года. Что значит «вниз»? Выяснилось, что все направления в Манагуа обозначаются словами: «к морю» – на запад; «к озеру» – на восток; «вверх» – к аэропорту, т. е. на юг; «вниз» – к кладбищу, т. е. на север.

Итак, адрес писался следующим образом: «Манагуа. Район Болонья-1. Полтора квартала вниз от площади Испании. Дом приемов INE». Это по-русски. А по-испански – все то же самое, только в обратном порядке. Пьер описал свои первые впечатления от страны (без военных подробностей) приложил пару открыток с вулканами и отправил письмо в Германию.

Другим оперативным и на удивление дешевым видом связи, оказался телефон. Национализированная телефонная компания давно не корректировала цены на международные звонки и, с учетом роста «черного» курса доллара, связь оказалась почти бесплатной. Но был нюанс – звонить с номера Дома приемов на общем собрании обитателей было признано некорректным, т. к. счета приходили на INE, а злоупотреблять гостеприимством не хотелось. Приходилось по ночам (из-за разницы во времени) ездить на переговорный пункт, который находился в центральном здании почты в конце кварталов, разрушенных землетрясением.

* * *

В один из вечеров, когда Егорыч находился в очередном «пикé», Альберт предложил пройтись до переговорного пункта пешком, чтобы проветриться после дня, проведенного в офисе. Переговорив с родней, Пьер стоял на улице, ждал Альберта, курил и трепался «за жизнь» с охранником почты, угостив его «Космосом», привезенным из Ленинграда. Внезапно яркая вспышка осветила окрестности. Охранник

и Пьер синхронно повернули головы – над холмом, на котором располагался район Болонья-1, поднимался на фоне ночного неба огненный столб.

– Альбе-е-ерт! – заорал Пьер. Альберт, спотыкаясь, уже бежал от здания почты. Все, стоявшие на улице, уставились на пламя на холме.

– Почти у нашего дома! Там же Егорыч! – сжимая кулаки, простонал Альберт. Пламя на холме стало угасать, но в это время новая вспышка осветила окрестности, а спустя несколько секунд гул взрыва накрыл окрестности. Не сговариваясь, ребята рванули по направлению к дому. Когда они подбегали к Болонье, район уже был оцеплен. «Компанныерос советикос!» – заорали Альберт с Пьером на патрулей, размахивая «филькиными грамотами», выданными вместо паспортов. Те расступились – с советскими здесь предпочитали не связываться. Бежать уже не было сил – пошли быстрым шагом. Пьер поднял взгляд – прямо над головой на фоне черного неба светился тонкий ярко-красный луч.

– Альберт, – показал рукой Пьер, – тут что – лазерное оружие применяют?

Шедший рядом Альберт посмотрел вверх, неожиданно схватил Пьера за руку и рывком швырнул его на середину улицы. В тот же момент раскаленный провод упал на то место, где они только что стояли.

«Замыкание – вот провод и расплавился, – понял Пьер, –

хорошо, что на голову не прилетело!» По улице бегали испуганные люди с фонарями, что-то кричали друг другу. Охранника возле Дома приемов не было видно, оконные стекла были выбиты. Огромная дыра темнела в стене комнаты Егорыча.

– Альберт! – раздалось вдруг со стороны бассейна. – Альберт, я чуть не погиб!

В полумраке виднелись силуэты Бояна и Мирека, помогающих Егорычу вылезти из бассейна.

– Дмитрий Егорович, – удивился Пьер, – как вы туда попали?

Выяснилось, что опытный шеф, до этого служивший в Ираке, после первого взрыва моментально протрезвел и вспомнил, что вода спасает от взрывной волны. Так что во время второго взрыва он уже сидел в бассейне. Через некоторое время вернулся сбежавший от страха охранник. На проезжей части он подобрал простыню Егорыча. Как она туда попала, так и осталось для всех загадкой.

Спать после пережитых приключений не хотелось. Егорыч, успевший под шумок «принять на грудь», успокоился и пытался заткнуть дыру в стене подушкой. «Чтобы москиты не налетели», – объяснил он.

– А ведь тут рядом преподаватели из Минобразования живут, – вспомнил Альберт, – у них-то как дела?

Решили сходить проведать.

Организованность и спокойствие «доцентов с кандидата-

ми» были просто удивительными. Мужчины убрали битое стекло и штукатурку, женщины – перемывали посуду от пыли и (sic!) накрывали на стол.

– Привет, соседи! – поздоровался «старший по casa (дому)», пожилой профессор из МГУ. – Проходите, будем чудесное спасение отмечать.

Оказалось, что упавший от взрывной волны тяжелый светильник приземлился точно между двумя детскими кроватками. Детей отвели спать в другую комнату, а мать отпоили валерьянкой.

Рано утром приехал офицер безопасности INE и рассказал, что взрыв произошел на территории медсанчасти расположенного совсем рядом военного городка. Кто-то установил термитный заряд на хранилище кислородных баллонов. После первой вспышки чудом успели эвакуировать персонал и вывести раненых. После этого сдетонировал склад боеприпасов, расположенный рядом в подвале. Кусок бетона из стены этого склада и прилетел в комнату Егорыча.

Надо отдать должное никарагуанцам – электроснабжение восстановили на следующий день, а когда обитатели Дома приемов приехали на обед, в окна были вставлены новые стекла. Егорыча временно отселили в свободную комнату, замуровали дыру от осколка и покрасили стену.

* * *

«Черный» курс доллара дошел до 320, при этом официальный по-прежнему стоял на 28. Из больших магазинов, где

государство пыталось регулировать цены, стали исчезать товары. Сеть фотолабораторий «Agfa» не успела откорректировать прайс-лист. Чтобы напечатать фотографии, очередь туда занимали в 4 часа утра... Газета La Prensa, не стесняясь, публиковала цены на черном рынке валюты. Оказывается, в порту Коринто курс уже зашкаливал за 400.

– Существенная разница, – задумчиво почесал ухо Егорыч, – а ты говорил, дружок у тебя в Коринто служит? И тоже переводчик?

Пьер понимал, куда клонит шеф. Это 150 верст в одну сторону по жаре. Дорога разбита танками, блокпосты у каждого населенного пункта – ехать часа четыре.

– Короче, сторговал я тут черных кораллов для жены. – продолжил Егорыч. – Договорились на 100 000 кордоб. Понимаешь математику?

Как тут не понять! На 100 000 при местных ценах можно было кремлевскую елку кораллами увешать. Ясен пень – на продажу шеф товар брал. В Москве комиссионки их с руками отрывали – товар редкий, добыча почти повсеместно запрещена. Навар получался под 1000%. С каждым отбывающим в отпуск Егорыч умудрялся отправить пакетик. «Любимой жене, – объяснял он, – матери моих детей».

До этого Пьер был в Коринто только один раз – ездили с Альбертом принимать оборудование, пришедшее на советском сухогрузе. Портовый городок с одноэтажной центральной улицей, в районе порта – несколько старинных деревян-

ных гостиниц. Потом были долгие посиделки у соскучившихся по новым лицам моряков, обмен сувенирами (ананасы и ром на черный хлеб и селедку пряного посола), а после этого нужно было уже срочно гнать в Манагуа, т. к. езда ночью по местным дорогам была делом небезопасным. Так что где там «меняют» Пьер понятия не имел. Вся надежда была на друга Осипа. По телефону ничего объяснять не стал, сказал только: «Еду к вам в командировку на часок – поможешь?» Похоже, Осип все понял.

Денег пришлось везти неожиданно много – около двух тысяч зеленых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.